

До поезда оставалось больше часа. Никита с мамой и младшей сестрой Марусей коротал время на вокзале в Харькове. «Почему время здесь имеет особое измерение, течёт медленно? – размышлял он, сидя на скамейке в зале ожидания. – Когда-нибудь я найду этому объяснение...»

Он медленно провожал взглядом движущихся по залу пассажиров с рюкзаками на спине и чемоданами в руках. Они напоминали ему муравьёв, а вокзал – огромный муравейник.

– Мы едем, едем, едем в далёкие края, – напевала Маруся. При этом она наклонялась то к маме, то к брату. – Ну, скоро уже в поезд сядем?

– Скоро. Потерпи немного. Ночью в дороге поспишь, а проснёшься уже в Москве. Давай пока почитаем, – мама раскрыла книгу с яркими картинками.

– А мы ходим в большой зоопарк? – девочка примостилась поближе к маме.

– Обязательно. И слонов, и мишек увидим.

– Ура! И потом на Красную площадь пойдём?

– Да, конечно.

– А эта площадь красная как моё новое платье? – Маруся соскочила с места, взялась за юбочку платья с двух сторон и закружилась. – Я в нём пойду. Никита, а ты наденешь новую рубашку? Хочешь на Красную площадь?

Никита улыбнулся:

– Да.

Он любил путешествовать: радовался каждой поездке и новым купленным вещам в дорогу, но не хвастался, как его сестрёнка.

– И ещё хочу в Кремль, – окончание последнего слова он произнёс нечётко.

– И я крем люблю. Он сладкий, – облизнулась сестра.

Никита рассмеялся.

– Иди к маме, она тебе сказку почитает, а я пока поиграю, – он достал из кармана рубашки телефон, и вскоре на его экране начались автогонки с препятствиями. Мама негромко читала сказку.

– Костром запахло. Мама, значит, шашлыки будут, как на даче? – слышался голос Маруси. Никита тоже почувствовал запах гари.

– Не пожар ли где? Или курит кто? – беспокойно заёрзала на месте бабуля в летней шляпке в горошек, сидевшая напротив. Мама закрыла книжку:

– Что такое? Непонятно...

Никита прекратил игру, сунув телефон в карман рубашки, желая понять, что происходит. По соседству коренастый мужчина отложил газету, встал и огляделся:

– Вроде не курит никто, – прошёл между сидениями, приглядываясь и стараясь найти, отчего исходит запах. – А это чьё имущество? – он легонько ткнул ногой в пухлую, из клетчатой ткани, сумку под скамейкой.

– Ой, осторожнее, вдруг там... – испуганно зажмурилась бабуля, будто в эту минуту должен был грянуть взрыв.

Никто из находящихся рядом пассажиров не признал поклажу своей.

– Кажется, её здесь не было, когда мы сюда пришли, – мама пыталась вспомнить и понять, как сумка здесь оказалась. – Да, точно не было. Но мы могли не заметить, как её нам подсунули: каждый из нас был занят своим делом...

Взрослые галдели, строили догадки, откуда она взялась и что в ней. Никита слушал их разговор и тоже недоумевал, как появился недалеко от него этот багаж.

– Об этой находке надо сообщить, – решительно высказался мужчина.

Но тут подошёл темноволосый коротко стриженный парень, в шортах и выцветшей майке, в резиновых шлёпанцах на босу ногу. Он наклонился к сумке и медленно потащил её из-под сидения к себе.

– Вот ты и попался! – мужчина схватил незнакомца за ухо.

– Пустите, – съёжился пойманный, бросил ручки сумки и спокойно оттолкнул руку мужчины от уха. Но мужчина тут же крепко обхватил его запястье и не отпускал:

– Я как раз хотел сдать этот груз в милицию, а теперь пусть забирают его вместе с тобой. Там разберутся! Документы с собой?

– Нету... А что я такого сделал? – взволнованно произнёс малолетний подозреваемый. Никита оценивающе смотрел на него, своего ровесника. Ни внешним видом, ни поведением он не вызывал симпатии. «Вокзальный воришка», – определил Никита.

– Ещё отрок, а уже бомжонок. Не дай Боже! – сочувственно покачала головой бабуля.

Парнишка передёрнулся от таких слов. Что-то попытался ответить:

– Э-э-э... У-у-у... Да-а-а... – он выглядел растерянным и беспомощным.

Вокзальный шум заглушил его слова, и Никита ничего из сказанного не понял, подумал, что тот заикается, болен.

– Ну что вы пугаете мальчишку? – заступилась мама.

– Хэ, несовершеннолетние дети с родителями ездят, – не смягчился мужчина, – а этот сам по вокзалу шастает! Родители твои где?

– Нету, – еле слышно ответил парень.

– Ну, вот, пожалуйста! Самостоятельный уже! Что хочу, то и ворочу! А эту старую сумку, зачем тащишь? Что в ней ценного? Признавайся! – настойчиво продолжал разбираться мужчина. – Я, кажется, догадываюсь... Кто хозяин её?

– Я. Это мои вещи, – тихо сказал парнишка, глядя в пол.

– Твои? Тогда открывай! Показывай, что здесь.

Все наблюдавшие замолчали и ждали продолжения. Паренёк сначала стоял как застывший. Было заметно, что он стиснул зубы и внутренне сжался, едва удерживая слёзы. Никите вдруг стало жаль его: он казался незлобным и неагрессивным.

Парень неохотно присел и расстегнул молнию сумки. Все любопытные, и Никита в том числе, окружили его и впились взглядами в загадочное содержимое. Из него новой волной пахнул уже известный запах от доверху плотно набитых, на вид, обгоревших тряпок. Все молча с недоумением переглянулись. Никита скривил лицо и отошёл. Маруся за его спиной радостно выкрикнула:

– Костром пахнет!

Мама смотрела на парнишку огромными глазами, полными непонимания:

– Что там внутри?

– Шмотки... Мои... – с трудом выговорил он, будто ком в горле мешал ему.

– А внизу, что под этими угольками спрятано? – прищурив глаза, спросил мужчина, надеясь всё же уличить пойманного в чём-то ужасном.

– Ничего не спрятано. Одежда, все вещи мои... Собрал, что осталось... Остальные – сгорели, когда снаряд в наш дом попал... А папку с мамкой соседи на огороде похоронили: кладбище обстреливали... – он присел на корточки и застегнул сумку. Повисло молчание. Никите стало не по себе: обидно, что взрослые пытали его, подозревая во вредительстве, да и он сам слёту назвал его «воришкой». И ужасно жалко, что он остался без родителей и крова. Как теперь жить сироте?

Тут к нему подошла в форменной одежде работник вокзала:

– Пойдём!

– Не надо! – выкрикнул Никита. – Вы его куда, в милицию, ведёте?

– Погодите, – вскочила мама, – куда его....

– А что вы переполошились? – удивилась железнодорожница. – Он в Белгород едет, к тётке. Сказал, что кроме неё, у него из родных никого нет... Он смог как-то сам доехать сюда из-под Горловки, на перекладных. Попросил нас переправить его через границу. Мы ему билет купили, поможем добраться, а там.... – она помолчала. А потом скомандовала подопечному: «Бери свою кладь, ты за одну ручку, а я за другую, и вперёд!

Никита пока слушал её, сердце болезненно сжималось, а в голове стучало: «Чем помочь?» Сейчас он взволнованно смотрел вслед парню и женщине со злополучной ношей, боясь упустить их из виду в многолюдном зале. И вдруг его осенило:

– Мама, давай отдадим мои вещи! Они ему впору будут!

– Ой, как же я не догадалась! Конечно! – она мгновенно расстегнула чемодан, достала из сумочки пакет и стала пихать в него джинсы, шорты, майки, – в Москве тебе новые купим. Беги, догони, отдай!

– Возьми вот, с капустой, – бабуля опустила в пакет поверх вещей завернутый в салфетку пирожок, – тёплый ещё, себе купила на перекус....

И, взглядываясь вглубь зала, перекрестила дорогу, по которой удалялся юный беженец.

Никита летел, не чувствуя под собой пола. Толкая пассажиров, обегая чемоданы и сумки, чуть ли не перепрыгивая через них, догнал парня:

– Это тебе, на первый случай, – запыхавшись, протянул ему пакет.

Тот удивлённо посмотрел на Никиту и, заглянув в пакет, несмело взял его:

– Спасибо, – в его безрадостных карих глазах вдруг вспыхнули огоньки.

– Удачи, брат! – Никита ладонью хлопнул его по плечу. Развернулся и побрёл обратно. Он радовался, что смог вложиться в считанные минуты. – Да, на вокзале их то очень много, то едва хватает, чтобы успеть... А ещё время здесь – разное и бывает непредсказуемым...»

Когда Никита вернулся, на скамейке отдыхали новые соседи, и уже не было ни мужчины, ни бабули.

– Немного отдышись, да на поезд скоро пойдём, – сказала мама.

Никита рухнул на сидение. Пригладив русые волосы, влажные от пота, он сидел неподвижно, ничего не видя перед собой и не слыша вокзального шума. Не было рядом сумки с обугленными вещами, но он чувствовал запах костра – того огромного, что полыхал неподалёку, на востоке его страны...

– Сынок, сынок, – мама толкала его в спину, – ты, что, уснул? Бери свой рюкзак! Пора на посадку!

Они двинулись к поезду. Маруся, не отставая, подпрыгивала и размахивала сумочкой:

– Мы едем, едем, едем...